

УДК 316.72
ББК 60.542.2
Н76

*Издание осуществлено в рамках проекта гендерной программы
Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке
Фонда Форда и Финской Академии наук*

Рецензенты:

Ж. В. Чернова, кандидат социологических наук
(Европейский университет в Санкт-Петербурге);

Е. Р. Ярская-Смирнова, доктор социологических наук, профессор
(Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов))

Н76 **Новый быт в современной России:** гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Тёмкиной. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 524 с. — (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17).
ISBN 978-5-94380-077-1

В книге представлены результаты эмпирических исследований, посвященных различным аспектам формирования нового быта в современной России. Авторы фокусируют внимание на изменениях гендерного устройства частной жизни. Постсоциалистический быт создается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Интимная жизнь становится важным культурным кодом современного российского капитализма. Изменяются частное пространство и потребительские практики, формируются новые идентичности и стратегии репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин. Исследователи изучают такие привычные практики, как ремонт жилья, домашний наемный труд, сексуальные дебюты, контрацепцию, опыт родов и ухода за детьми. В книге приведены фрагменты дневников наблюдений и интервью.

Книга рассчитана в основном на специалистов в области социальных наук; ее содержание может быть привлекательно как для специалистов, так и для широкой читающей публики, которой интересно, как и за счет кого организуется новый быт российских обеспеченных слоев.

УДК 316.72
ББК 60.542.2

ISBN 978-5-94380-077-1

© Коллектив авторов, 2009
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2009

Содержание

Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина
Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви
и наемного труда 7

Часть 1 НОВАЯ ЖЕНЩИНА: ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Анна Тёмкина
Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция 33
Ольга Чепурная
Автономная женщина: жизненная стратегия и ее эмоциональные
издержки 68
Елена Здравомыслова
Няни: коммерциализация заботы 94
Ольга Ткач
Уборщица или помощница? Варианты гендерного контракта
в условиях коммерциализации быта 137

Часть 2 ОРГАНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА: ПОТРЕБЛЕНИЕ, ЕВРОСТАНДАРТ И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ

Борис Гладарев, Жанна Цинман
Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего
класса 189
Лариса Шпаковская
«Мой дом — моя крепость». Обустройство жилья нового
среднего класса 222
Татьяна Андреева
Ремонт как строительство нового быта: демонстративное
потребление и экономия ресурсов 262

Лариса Шпаковская

«МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ».
ОБУСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ
НОВОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Исследование жилого пространства позволяет реконструировать практики повседневного обихода, формы социальных взаимодействий, происходящих в нем, социальные нормы, ценности его обитателей. Анализируя практики обитателей французского аристократического дома, Норберт Элиас исходит из того, что «каждому виду совместного пребывания людей соответствует определенное пространство, в котором входящие в то или иное объединение люди — пусть не все сразу, но, по крайней мере, частями — действительно пребывают или могут пребывать совместно» (Элиас, 2002: 58–59). Домашнее пространство оказывается наглядной репрезентацией того типа социальной организации, которая в нем размещается.

При попытке концептуализации жилья важным оказывается аналитическое разделение на приватную и публичную сферу социальной жизни. Дом, семья и домашнее хозяйство обычно ассоциируются с пространством приватным, а политическая сфера, сфера гражданской и экономической активности — с пространством публичным. Границы между публичным и приватным жестко не определены, варьируются от общества к обществу и часто являются проницаемыми и условными. В статье эти категории используются для описания социально-пространственной структуры жилья представителей нового среднего класса.

Разделение на приватное/публичное важно и тем, что оно позволяет связать пространственные категории и категории гендерного устройства. Наиболее влиятельные традиции концептуализации публичной сферы в политической философии ассоциируют ее с политической активностью, миром дискуссий, дебатов, коллективных ре-

шений, а также деятельностью государства, рынком и экономикой. Приватная сфера выделяется в противовес публичной и включает в себя все то, что не относится к сфере публичной, т. е. дом, домашнее хозяйство, семью (Weintraub, 1997). Феминистские исследователи ставят под сомнение конвенциональное разделение на публичное/приватное и утверждают, что эти две сферы являются взаимосвязанными, гендерно маркированными и неравноположенными. Публичная сфера буржуазного общества рассматривается ими как сфера преимущественно мужской активности, а приватная — женской, домашней, вторичной по отношению к мужской.

Для многих европейских стран прошлого века, в том числе и России, характерен другой вариант разграничения и гендерного дисбаланса, и приватной/публичной сфер. Как в социал-демократической, так и в коммунистической идеологии государственная политика была направлена на существенные изменения в повседневных и гендерных практиках домашней сферы, например в областях гигиены, воспитания и эффективности домашних работ. В Советском Союзе государство пыталось радикально вмешаться в домашние отношения. По мнению исследователей советского общества (Shlapentokh, 1989; Хархордин, 2002; Reid, 2006), границы публичного/приватного не являлись жестко очерченными, были прозрачными и проницаемыми в связи с тем, что государство вторгалось в те сферы жизни, которые в либеральной политической традиции рассматриваются сферами приватности — семья, дом, дружеские и любовные отношения — и куда вторжение публичных институтов может осуществляться только в случаях крайней необходимости.

Сферами вмешательства советского государства в приватное применительно к исследованию жилья и его гендерной маркированности могут быть названы прежде всего жилищная и гендерная политика. Советское государство в разные периоды так или иначе стремилось регулировать, организовывать быт и жилье советских граждан, централизованно планируя и осуществляя жилищное строительство, создавая жилищные нормы и стандарты, распределяя жилье среди граждан, иницируя кампании по организации быта. Советская гендерная политика активно вторгалась в семейную жизнь, поддерживая женщин: предоставляя пособия, отпуск по уходу за ребенком, осуществляя поддержку матерей-одиночек и создавая инфраструктуру детских дошкольных оздоровительных и образовательных учреждений и т. п. Целью было создание возможностей для совмещения жен-

щинами материнских обязанностей и оплачиваемого труда. Прежде чем подойти к анализу организации жилья представителями современного российского среднего класса, кратко остановимся на специфике организации советского домашнего пространства и гендерного разделения советской эпохи.

Советское жилье: структуры пространства и гендерные отношения

Советское государство было практически полным монополистом в жилищной сфере. Его политика определяла жилищные возможности советских граждан. С точки зрения типа собственности советское жилье разделялось на государственное, кооперативное и частное. Доля государственного жилого фонда к 1989 г. составляла 84,6%. Кооперативный фонд составлял в среднем в городах от 3 до 15% (РСФСР в цифрах..., 1990). Доля частного жилья в городах являлась минимальной, так как обычно предполагала отдельные дома коттеджного или «деревенского» типа. Таким образом, большая часть городского жилья принадлежала государству, а большинство горожан законодательно рассматривались как квартиросъемщики. В этих условиях возможности выбора жилья, его местоположения и качества являлись ограниченными. Государство распределяло жилье и предоставляло его своим гражданам в пожизненное пользование. Это означало, что жильцы не имели права им свободно распоряжаться: продавать, покупать, передавать по наследству. Смена или приобретение жилья осуществлялись при помощи института прописки, а также через обмен жилплощади, возможный с разрешения и под контролем государственных органов (Высоковский, 2001: 164).

С точки зрения способа заселения можно выделить два основных типа советского городского жилья: коммунальные квартиры, предназначенные для заселения несколькими семьями, и квартиры отдельные, предназначенные для посемейного заселения. Например, в Ленинграде к началу рыночных реформ 16% квартир были коммунальными. В центральной части города почти каждая вторая квартира являлась коммуналкой (42%). К середине 1990-х в них продолжали проживать 23,8% петербуржцев. Коммунальными, как правило, являлись квартиры, расположенные в домах дореволюционной постройки, из которых примерно четверть прошла капитальный ремонт за годы советской власти. Таким образом сохранились тысячи крупногаба-

ритных квартир, в которых ранее проживали семьи высших чиновников, аристократии, промышленников. В советское время почти все эти квартиры были заселены несколькими семьями (Корнев, 2005: 73).

Коммунальная квартира представляла специфический способ организации жилого пространства. Там не только в одной комнате могла проживать семья, нередко состоящая из нескольких поколений, но соседствовали семьи разного социального происхождения, образования, уровня дохода (Там же). Все пространство коммунальной квартиры разделялось на два больших сектора — места общего пользования и комнаты индивидуального или семейного проживания. Комнаты жильцов в миниатюре представляли собой «весь дом». Жильцы разбивали свои отдельные комнаты на зоны, разгораживая их ширмами, занавесками и шкапами. Вместе с тем места общего пользования — прихожая, кухня, туалет, ванная, коридор, становились местами вынужденного соприсутствия чужих людей (Герасимова, 2000: 75–77; Утехин, 2001: 14–28). Приватность и личное пространство в коммунальной квартире, таким образом, были крайне ограниченными. Даже непосредственно «приватные» пространства (комнаты жильцов) оказывались проницаемыми для посторонних. В них проникали звуки и запахи из соседних помещений, в любой момент мог заглянуть сосед, чтобы обратиться с тем или иным вопросом. Совместное проживание в одной комнате нескольких поколений делало невозможным наличие личного автономного пространства для каждого из жильцов или отдельной супружеской пары. При этом степень «присутствия» государства в коммунальном жилье была крайне велика. Жилищные нормы и способ заселения строго контролировался государством (Герасимова, 2000: 75–77). Кроме того, отсутствие приватности в коммунальной квартире часто использовалось государственными органами для контроля повседневной жизни граждан. Милиция, ЖЭКи и органы внутренней безопасности поддерживали, а иногда и непосредственно провоцировали и организовывали жалобы, доносы соседей, сбор информации друг на друга (Shlapentokh, 1989: 181).

Вторым типом жилья являлись отдельные квартиры, массовое строительство которых началось в конце 1950-х. С этого времени доля отдельных квартир, предназначенных для посемейного заселения, в государственном жилищном фонде неуклонно возрастала. «Уровень приватности» в таком жилье был несравнимо выше, чем в коммунальных квартирах. Однако исследователи советской повседневности отмечают, что приватности отдельной нуклеарной семьи,

которая часто декларировалась советскими идеологами, в таких квартирах достигнуто не было по нескольким причинам. Во-первых, домашнее пространство такого жилья рассматривалось государством как способ регламентации и нормирования быта советских граждан. Квартира стала объектом «социальной инженерии», как и во многих других странах (Saarikangas, 1993). Строительство массового жилья централизованно планировалось, а проекты квартир являлись типовыми и эксплицитно предполагали не только санитарные нормы и нормы жилой площади на человека, но также типы и формы семейных отношений и бытовые практики, возможные в нем. Дом в советской идеологии не являлся территорией, отгороженной от остального мира, где можно спрятаться, закрыв за собой дверь, но был объектом «публичного» интереса. В разные периоды советской истории жилье становилось объектом идеологических кампаний, направленных на реорганизацию быта граждан в соответствии с провозглашенными эстетическими, санитарными и поведенческими нормами (Reid, 2006: 153). Во-вторых, постоянный жилищный дефицит приводил к тому, что в типовых квартирах, рассчитанных на посемейное заселение, жили семьи, состоящие из нескольких поколений, и это стало обычной практикой. Выросшие дети, образовавшие свою семью, не имели возможности найти отдельное жилье и продолжали жить со своими родителями. Поэтому каждая из комнат могла быть отведена семьям разных поколений, а потому предназначаться одновременно для всех видов повседневной деятельности: для работы, отдыха и приема гостей (Лебина, Чистиков, 2003: 180).

Однако, несмотря на все формы вмешательства в домашнюю сферу, она оставалась территорией наименьшего присутствия государства. Она активно осваивалась советскими гражданами в качестве территории индивидуального выбора и личной автономии. Граждане отнюдь не являлись пассивными получателями государственного жилья, действовавшими в соответствии с предписанными бытовыми, санитарными и эстетическими нормами. Они использовали жилье в соответствии со своими потребностями, вкусами и интересами. Мелкие реконструкции, ремонт, ручное изготовление предметов домашнего интерьера, собирание памятных и любимых предметов являлись практиками присвоения стандартного жилого пространства и были направлены на то, чтобы сделать его «домом», т. е. уютным, индивидуальным пространством (Reid, 2006: 157–164). Культуролог Светлана Бойм назвала способ создания интерьеров советских квартир

«эстетикой выживания». Такая эстетика допускает присутствие рядом совершенно разнородных предметов, например китайского термоса, хрустальной вазы, фарфоровых статуэток, репродукции портрета Пушкина. Общий стиль или идея такой композиции не важны. «Эстетика выживания» не подчиняется принципам статусного потребления. Она воплощает стремление к стабильности и призвана маркировать личное пространство, наполнять его свидетельствами личной биографии. Таким образом, все идеологические кампании по реорганизации советского быта потерпели поражение в квартирах граждан. «Домашний хлам взбунтовался против всех идеологических чисток» и продолжал заботливо собираться и сохраняться советскими гражданами (Бойм, 2002: 192).

Владимир Шляпентох, анализируя процессы, происходившие в позднесоветском обществе, определил их термином «приватизация». Приватизация понимается им как постепенная потеря советским государством доверия и поддержки со стороны граждан, а также все большее их вовлечение в разные виды деятельности, не связанные с государственными целями и интересами. Практически приватизация выражалась в увеличении значения и роли частных институтов — семьи, дружеских и любовных отношений — в жизни советских граждан, развитии неофициальной публичной жизни и эксплуатации государственных постов и позиций в личных целях. Иначе говоря, изъав свои интересы и энергию из государственных институтов, граждане все больше стали переносить их в сферу частного (Shlapentokh, 1989: 153–154). Приватизация жилья была связана с растущим стремлением получить отдельное жилье, выбрать соседей, друзей, знакомых, проводить в дружеском и семейном кругу как можно больше времени. Этот же процесс проявлялся в том, что некоторые виды деятельности, часто характерные для публичного пространства, стали осуществляться в квартирах. К ним относились политическая, религиозная активность, дебаты по социально-политическим вопросам, образовательная деятельность, светская жизнь, некоторые формы экономической, производственной активности вне государственных институтов. Поэтому некоторые исследователи советского общества называют советское домашнее пространство «частично-публичным» или «вторым обществом» (Shlapentokh, 1989: 190; Чуйкина, 2000: 157). На квартирах проходили подпольные выставки, регулярные собрания религиозных и философских кружков, и даже домашние молебны. Квартиры могли стать также прибежищем для

теневой экономической деятельности. Дома шили и вязали на продажу, стригли клиентов, печатали самиздатовскую литературу, предоставляли репетиторские услуги и даже организовывали подпольные магазины. Кроме того, в «закрытом» советском обществе, где открытый политический протест был невозможен, инакомыслие и инакодействие в частной жизни представляли единственную возможность проявления политической оппозиции. Инакомыслие принимало форму протестной организации частной жизни. У диссидентов «культурного» плана практики сексуальной свободы становились важны для их «политического лица» (Чуйкина, 1996). Приватная сфера, таким образом, компенсировала дефицит товаров, услуг, политических свобод в сфере публичной. Она становилась пространством, где было возможно выражение личных вкусов, политических мнений, в противовес официальной публичной жизни, где необходимо было лицемерить (Хархордин, 2002: 475).

Советской идеологией дом конструировался как женское пространство. Женщина признавалась ответственной за его содержание и поддержание уюта. Ее роль дома определялась понятием «хозяйка» (Reid, 2006: 148). Контракт работающей матери декларировал равенство мужчин и женщин в публичной сфере, одновременно возлагая на женщин функции материнства и ответственность за организацию семейного быта. На практике женщины занимались организацией приватной сферы: закупкой продуктов и необходимых товаров, приготовлением еды, устройством домашних праздников, приемом гостей, пошивом и ремонтом одежды. Мужчинам отводилась вторичная роль при организации быта. Их роль в воспитании и заботе о детях была крайне ограничена, и предписывались помощь в закупках, ремонтные, сантехнические, электротехнические работы. Такое разделение труда в семье дало возможность некоторым исследователям говорить об альянсе женщины и государства, женском доминировании в приватном и отчуждении мужчин в этой сфере (Kukhterin, 2000; Здравомыслова, Тёмкина, 2003; Хасбулатова, 2005; Чернова, 2007). Совместное проживание нескольких поколений в одном жилом пространстве облегчало заботу о детях, а также уборку, приготовление еды путем разделения этих обязанностей между женщинами разных поколений. В помощь по организации быта активно вовлекались дружеские сети и блат, позволявшие так или иначе справляться с дефицитом. Фактически официальный гендерный контракт закреплял традиционное разделение ролей в домашнем пространстве (Тёмкина, Роткирх, 2002).

Постсоветские политические и экономические изменения привели к кризису и существенной трансформации социальной политики, поддерживающей гендерный контракт работающей матери. Государство перестало играть монопольную роль в формировании гендерных контрактов, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства. В этих условиях появляется новое качество приватного, обусловленное тем, что государственная политика в меньшей степени вторгается в приватную сферу, в большей степени отдавая вопросы воспитания и заботы о детях, а также обеспечение жильем в сферу ответственности отдельных индивидов и семей. Таким образом, у граждан в принципе появляется больше возможностей выбора как типа жилья (через рыночные механизмы покупки-продажи жилья), так и формы семейных отношений (разделение ролей супругов и степень вовлеченности их в оплачиваемый труд). Получает распространение буржуазный идеал мужчины-кормильца, обеспечивающего благосостояние сугубо частной домашней сферы.

Однако вопрос о том, какое качество приобретает приватная сфера в современном российском обществе, остается открытым и малоисследованным. Какие практики, какие пространственные структуры, гендерные роли и отношения наполняют эту приватность? Какие трансформации пережила эта сфера? Что появилось в ней нового? Попытаемся наметить ответы на эти вопросы, опираясь на данные интервью, собранные в рамках проекта «Новый быт».

Жилье нового среднего класса: пространства и мечты о социальной сегрегации

В 1990-х гг. государственная социальная политика изменяется и становится более либеральной. Либерализация предполагает развитие рыночных механизмов, а также новых государственных и коммунальных политик, менее явно и прямо регулирующих частную сферу. Сначала рассмотрим, как изменились жилищные условия горожан и какие возможности для организации повседневной жизни в связи с этим возникли, а затем проанализируем то, как изменились гендерные отношения в семье в связи с изменением жилищной и гендерной политики.

Государство перестает быть монопольным собственником жилья, постепенно развивается рынок недвижимости. В 1991 г. выходит закон «О приватизации жилого фонда в Российской Федерации», который дает возможность бывшим советским квартиросъемщикам приватизировать свое жилье. Развивается законодательная база, позволяющая покупку и продажу жилья, появляются агентства недвижимости. Коммуналки постепенно расселяются и превращаются в отдельные квартиры и офисы (хотя спрос на комнаты как недорогое жилье продолжает сохраняться). Одновременно частные строительные компании начинают крупномасштабное строительство жилых домов. В центре и в спальных районах города появляется множество домов, отвечающих современным требованиям и рассчитанных на людей с разными вкусами. Рынок продажи и аренды жилья, современные жилищные площади создают новые возможности для выбора месторасположения и типа жилья относительно зажиточных горожан. Эти возможности, в свою очередь, определили процессы пространственной сегрегации жителей по доходам и стилям жизни, начавшиеся в Петербурге, как и в других городах, в 1990-е гг. Представители среднего класса также оказываются включенными в процессы пространственной сегрегации, они стремятся создать социально однородную жилую среду.

На первый взгляд, в Петербурге не существует социально однородных районов, в которых жили бы исключительно представители среднего класса. В центральной части города продолжают сосуществовать отдельные и коммунальные квартиры. Жителями коммуналок, как правило, являются горожане, чей уровень дохода не позволяет купить или снять отдельную квартиру (Корнев, 2005: 80). Так называемые спальные районы также не являются социально однородными, так как там находятся дома разных лет застройки, заселявшиеся в разное время людьми разного социального происхождения. Социально однородными могут быть названы только элитные коттеджные поселки за пределами Петербурга, покупка жилья в которых доступна только людям с высоким доходом.

В интервью респонденты говорят о том, что они ощущают себя неуютно в социально неоднородных средах и стремятся к пространственной сегрегации. Несмотря на то что не все имеют возможность выбирать жилье, будучи ограниченными в средствах, можно найти множество рассказов о разного рода действиях, направленных на создание однородной социальной среды. К таким действиям относятся

попытки снять или купить жилье в городских районах или отдельных домах, кажущихся респондентам более однородными, чем другие.

В тех случаях, когда возможности выбора социально однородных городских пространств ограничены, осуществляются попытки обустроить и организовать территорию, непосредственно прилегающую к квартире. Такой территорией является подъезд, лестничная клетка. Это пространство становится местом столкновения «бытовых культур» разных социальных классов. Подростки, проводящие свободное время на лестнице, курящие, употребляющие алкоголь и наркотики, представляют серьезную проблему для «буржуазных» жильцов. Вызывают раздражение «приличных жильцов» также надписи и граффити на стенах, воспринимаемые как пространственная агрессия и проявление низкого уровня культуры. Бездомные и посторонние люди в подъездах воспринимаются как посягающие на приватность. Поэтому «буржуазные» жильцы предпринимают совместные действия для того, чтобы «привести в порядок» свой подъезд. Жильцы со сходными представлениями о предназначении и нынешнем состоянии общего пространства прежде всего стараются обеспечить безопасность домашнего пространства. Они собирают деньги («скидываются»), ставят металлические двери и домофоны в подъезде, нанимают консьержей, в некоторых случаях ставят охранные системы и системы слежения.

Все эти действия, направленные на пространственное отделение от социально «чужих», не всегда приводят к желаемому результату. Бездомные и представители низших социальных классов обнаруживаются во всех районах города. Информанты жалуются на то, что посторонние (особенно в этом подозревают подростков) проникают в подъезды, выламывают дорогие переговорные устройства, снимают доводчики с подъездных дверей, оставляют надписи на стенах. Среди жильцов обнаруживаются шумные соседи, а рядом с отдельными «расселенными» квартирами находятся коммуналки, жильцы которых отказываются соблюдать чистоту, покой, поддерживать порядок в доме. Жилое пространство среднего класса, таким образом, оказывается диффузным, а мечты о социальной сегрегации выглядят как стремление контролировать окружающую территорию, как стремление к безопасности (физической, социальной, экологической) приватной сферы. Эти идеи социальной сегрегации и создания определенного типа устройства физического пространства среднего класса становятся частью представлений об идеальном жилье в целом.

Дом идеальный и дом реальный

Жилье, его обустройство и ремонт — важная часть жизни представителей среднего класса. Оно является предметом гордости и постоянной заботы. Процесс создания личного жилого пространства — существенная часть построения «нового быта», собственного стиля жизни, утверждения жизненных стандартов среднего класса. В отсутствие директивного государственного нормирования жилого пространства появляются новые агенты влияния в этой сфере. Таковыми становятся медиаобразцы потребления, представленные как репрезентации западных стилей жизни среднего и высшего классов. Телевизионные программы, посвященные ремонту (например, «Квартирный вопрос» на НТВ, «Школа ремонта» на ТНТ, «Займемся ремонтом» на 5-ом канале), транслируют образцы нового быта. Специализированные иллюстрированные журналы, содержащие фотографии интерьерных решений, интервью с дизайнерами и владельцами квартир («Интерьер», «Ваша квартира», «Мезонин», «Табурет» и др.), продвигают модели домашнего потребления. Постоянные рубрики женских журналов дают советы по ремонту, декорированию и обстановке, каталоги товаров западных магазинов, например ИКЕА, предоставляют такие потребительские образцы в сфере домашнего дизайна. Собственники жилья имеют возможность выбирать и комбинировать их при реализации собственных жилищных проектов, будучи одновременно включенными в динамику статусного потребления, пришедшего на смену советской «эстетике выживания».

Спецификой молодой когорты среднего класса является рефлексивность, т. е. сознательная ориентация на возможность информированного выбора. Прежде чем начать ремонт или любые переделки жилья и его обстановки, информанты знакомятся с журнальными публикациями, изучают каталоги строительных компаний, ассортимент мебели магазинов. На их основании они придумывают собственные дизайнерские проекты и решения. Более экономически привилегированные имеют возможность обратиться к услугам профессиональных дизайнеров. Информантка Лида говорит о том, что, прежде чем начать ремонт, она составляла собственный дизайнерский проект, изучая журналы и ассортимент строительных магазинов.

Кати [младшей дочери] не было, и поэтому мне времени хватало какие-то журналы посмотреть, по магазинам походить, выбрать обои и, там, паркет (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).

В рассказах о поиске, ремонте и обустройстве жилья всегда существует «зазор» между тем, что хотелось бы иметь, и тем, что «реально получается». Иногда рассказ о жилищной ситуации полностью подменяется рассказом о планах переезда или ремонта. Светлана, работающая молодая женщина, вместе с мужем снимает квартиру и планирует как можно скорее приобрести собственную двухкомнатную квартиру в том же городском районе, где семья проживает сейчас. Упомянув о необходимости и сложностях покупки собственной квартиры, она подробно рассказывает об идеальном жилье и том стиле жизни, который это жилье предполагает. Светлана мечтает о загородном доме, где они с мужем могли бы также работать. В данном случае разрыв мечты и реальности вполне очевиден.

...В перспективе хочется дом. И вообще у Влада [мужа] такая мечта [здесь и далее выделено мной. — Л.Ш.], такой слоган где-то просто прочитал, значит: «Живу и работаю в своем доме». Такой рекламный. И вот он говорит: «Хочу жить и работать в своем доме». Я говорю: «Ну, здорово, давай дом, значит, искать». И сейчас периодически смотрим разные объявления про дома... В ближайшем [пригороде], скажем, в Юкках где-нибудь, да, почему нет (ж., 32 года, замужем, дочь 3,5 года).

Для претворения в жизнь мечты о собственном загородном доме у семьи Светланы на данный момент недостаточно денег. Эти мечты навеяны медиаобразами и ориентированы на более высокие жизненные стандарты. Однако мечты об идеальном жилье не являются просто «фантазиями». Для их достижения прилагаются направленные усилия. Мечты об идеальном жилье вынашиваются в ситуации, когда, с одной стороны, недостаточно возможностей для их реализации, а с другой — изобретаются стратегии реализации желаемого в условиях дефицита ресурсов.

Разрыв мечты и реальности обнаруживается во всех историях ремонта квартир. Ремонт представляет собой проект, который редко воплощается так, как он был задуман. У респондентов остается чувство неудовлетворенности результатом, а сами рассказы о ремонте выглядят как истории о том, как было сложно воплотить идеальные представления о жилье в реальность. Препятствием здесь служит как нехватка денег, так и неудовлетворенность качеством ремонтных работ из-за низкого уровня профессионализма наемных рабочих.

Например, информантка Надя рассказывает о ремонте как бесконечной попытке соотнести желаемое с имеющимися ресурсами:

Но поскольку хотелось все сделать хорошо, но вписаться в определенную сумму, мы выбирали то, что в разумных пределах стоило. И я помню, что двери я долго искала, где подешевле. Поскольку примерно одно и то же разные фирмы предлагают, а стоит по-разному; я искала фирму, где дешевле (ж., 29 лет, замужем, дочь 2 года).

Таким образом, оказывается, что в рассказах респондентов жилое пространство существует в двух измерениях — реальном и воображаемом. Для приведения этих двух реальностей в соответствие предпринимаются сложные стратегии приобретения жилья, а также (иногда стратегически не менее сложные) ремонты. Рассмотрим, из чего состоит этот идеальный дом и какие действия предпринимаются для его реализации.

Конструирование приватного: приватизация домашнего пространства

Анализируя процесс создания современного домашнего пространства, мы будем говорить о конструировании приватной сферы и ее отчетливой границе с «внешним миром». Если советское домашнее пространство никогда не являлось полностью приватным в том смысле, что вмещало многие виды «публичных» активностей, то современное домашнее пространство все больше приобретает черты «полностью приватного». Иначе говоря, из него исключаются любые виды «публичной» деятельности, а само это пространство закрепляется за специфическими формами деятельности и отношениями, которые начинают рассматриваться как приватные. Вмешательство со стороны внешних, посторонних сил или лиц начинает рассматриваться как болезненное или проблематичное. Назовем этот процесс изменения границ публичного/приватного приватизацией домашнего пространства, подразумевая под ним процесс выделения домашнего в качестве отдельной, четко очерченной сферы частной жизни. Попытаемся проследить далее, как происходит приватизация домашнего пространства. Сначала остановимся на том, как осуществляется юридическое приобретение жилья в частную собственность, затем проанализируем практики ремонта и бытовые практики, направленные на символическое и физическое «отгораживание» домашнего пространства от внешнего мира.

Жилье рассматривается как семейная собственность — т. е. как территория, принадлежащая отдельной нуклеарной семье, состоящей из двоих супругов с детьми или матери с ребенком или только супружеской пары. Проживание вместе с родителями или другими родственниками считается неприемлемым или временным состоянием, а жизнь в коммунальной квартире кажется почти трагическим обстоятельством. Если советские граждане имели ограниченные возможности в выборе типа жилья, количества комнат, социального состава соседей или раздельного/совместного проживания с родственниками, завися от государственной системы распределения жилплощади, то рынок жилья открывает возможности выбора жилья. Итак, процесс приватизации домашнего начинается с юридической приватизации жилья, что дает возможность контроля данной территории.

Основные стратегии приватизации, доступные современным российским гражданам, — это покупка и аренда жилья. Далеко не все респонденты имеют возможность купить то жилье, которое представляется им желаемым. Обычно приобретение жилья сопряжено со множеством сложностей и представляет долгосрочную многошаговую коммерческую стратегию, которая требует привлечения профессиональных риэлтеров или приобретения соответствующих навыков. Например, полученная по наследству однокомнатная квартира может стать первым звеном в цепочке обменов на квартиры с большим количеством комнат, каждый из которых предполагает доплаты. Обмены осуществляются по мере появления средств и с учетом конъюнктуры рынка жилья. То же касается и продвижения к желаемому месту проживания. Шаг за шагом семьи мигрируют из менее привлекательных, с их точки зрения, районов в более привлекательные, социально однородные и престижные. Примером такой длительной жилищной стратегии может служить история переездов семьи Тани. Первое жилье появилось у семьи благодаря тому, что родители мужа переехали жить в деревню, оставив молодой семье свою квартиру.

Пришлось подвинуть других родителей. Они как раз в это время купили дом в деревне в Псковской области и уехали туда жить. Вот, мы жили в хрущовке троим сначала, потом четвером, потому что родился еще сын через пять лет. И плюс еще с нами жила родная сестра моего мужа. Ну, и еще ее собака [улыбается]. Потом мы еще завели кошку [смеется]. В общем, там был дурдом. Там мы прожили примерно семь лет (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Постепенно финансовое положение семьи стало улучшаться: муж открыл собственный успешный бизнес. Затем супруги купили трехкомнатную квартиру в отдаленном от центра «спальном» районе, вложив деньги в доленое строительство.

Потом мы переехали в Рыбацкое [окраинный район Петербурга]. Это, по-моему, мы смогли на этапе строительства еще. Вложили деньги... в хрущёвке мы жили семь лет и еще два года жили в Рыбацком в трехкомнатной квартире, в хорошей такой. Там после хрущёвки нам казалось, что такие размеры... (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Дальнейший переезд был осуществлен в связи с покупкой пятикомнатной квартиры на Васильевском острове, в которой на данный момент проживает семья Тани.

В семьях информантов средства для покупки собственного жилья собирают постепенно, как «традиционными» способами (накапливают сбережения в домашних условиях, берут у родителей, занимают в долг у друзей и родственников), так и «новыми» способами, которые стали возможны благодаря развитию банковских услуг и других финансовых структур: кредиты, ипотека, доленое строительство. Любая покупка собственной недвижимости представляет собой сложную комбинацию множества тактик и может быть охарактеризована как «сложная», так как она предполагает кооперацию родственников, друзей, использование собственных накоплений, а также услуг новых финансовых структур. Приведенная ниже история покупки квартиры является примером такой сложности.

Примерно в это время мои родители продали свою квартиру, что там, я не знаю, как-то, как там сделки все эти были оформлены, но факт тот, что квартира была приватизирована на всех четверых, на нас с сестрой и на родителей, в результате всех, всех, там, дел у меня, мне досталась однокомнатная квартира плюс у нас уже была однокомнатная, которую мы купили, и мы, вот, вместе две квартиры продали и купили вот эту. Сложные у нас такие были пертурбации с жильем, ну, вот, в итоге мы даже нигде не снимали, ничего, то есть мы переехали сразу из нашей однушки старой вот сюда (ж., 27 лет, замужем, двое детей).

Другой жилищной стратегией является аренда жилья. Данные позволяют выделить два типа квартиросъемщиков в зависимости от их отношения к аренде. Во-первых, жилье снимают в тех случаях, когда покупка собственного оказывается проблематичной из-за отсутствия денег. В этом случае аренда рассматривается как временное состояние, которое должно закончиться покупкой своего жилья. Об обустройстве и качестве арендуемой квартиры практически не заботятся, экономя средства на приобретение собственного жилья. Во-вторых, аренда жилья может являться сознательной стратегией, не связанной с нехваткой денег.

В нашем массиве интервью выделяются две истории, представляющие сознательную стратегию предпочтения аренды. Одна из них рассказана Алиной — деловой женщиной, работающей юристом в крупной консалтинговой компании и ориентированной на карьерный рост. Она рассталась со своим мужем почти сразу после рождения ребенка. Несмотря на то что Алина имеет собственную квартиру, она в ней не живет и предпочитает снимать жилье в том доме, где проживают ее родители. Это позволяет ей организовать уход за ребенком в тех случаях, когда она вынуждена задержаться на работе или уехать в командировку. Алина использует услуги приходящей няни, но родители рассматриваются ею как важнейшие помощники в организации ухода за сыном. Алина живет отдельно от родителей, так как считает себя «очень независимым человеком» и не может позволить «посторонним людям» вмешиваться в свой быт. При этом для организации быта необходима пространственная близость с родными:

У меня родители живут прямо дверь в дверь... Потому что это съемная квартира, я вынуждена была уехать, потому что вынуждена в силу работы так жить. В принципе, у меня есть квартира в центре, в которой я не живу... Потому что где тогда будет ребенок с такими командировками? То есть где-то на подхвате все это, и няня, и работа, достаточно тяжело (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

История Раисы похожа на историю Алины. Раиса — независимая, карьерно ориентированная женщина. Она переехала в Петербург в результате замужества, однако на момент интервью замужем не была. Доходы Раисы позволяют обзавестись собственным жильем, но она предпочитает снимать квартиру. Аренда жилья кажется ей более удобным способом организации быта, позволяя жить близко от места

работы и избегать бытовых проблем, которые обычно вынуждены решать собственники жилья.

Я снимаю квартиру. Я всегда снимаю квартиры. Очень хорошие, всегда с готовым евроремонтом. Мне так удобнее. Все зависит от того, где место работы: если меняется, тут же меняю квартиру. У меня есть своя квартира в Б., так и стоит там недвижимость. А здесь я еще не определилась. То, что я хочу, мне это сейчас не доступно. То, что сейчас хотела бы. Меня этот вариант, честно, больше устраивает... мне проще платить и менять. Если не понравились соседи, поменяю, и нет проблем. Сейчас у нас хорошая квартира, с консьержем, все очень устраивает: квартира, мебель, хозяйка. Вообще нет проблем с этим (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Оба этих нарратива рассказаны незамужними женщинами, для которых аренда жилья предоставляет возможность эффективной организации быта. Стратегии аренды дают возможность выбрать тип, качество и месторасположение жилья, менять жилье при необходимости, самостоятельно организовывать быт наиболее эффективным образом (например, привлекая живущих рядом родителей). Таким образом, как аренда, так и покупка жилья дают возможность организации его как личного, контролируемого пространства, которое может быть легко приспособлено к нуждам и приоритетам жильцов. После приобретения желаемого жилья конструирование приватности осуществляется в практиках ремонта и организации домашнего пространства, направленных на достижение контроля и защищенности собственной территории.

Железные двери, или «посторонний не пройдет!»

Дом среднего класса является «закрытым», или отгороженным от внешнего мира, во всех смыслах этого слова. Информанты стремятся сделать жилье закрытым от посторонних людей, от взглядов, звуков и запахов, поступающих в квартиру извне. Доступ в квартиру людей, не являющихся ее обитателями, жестко контролируется, а пребывание в квартире таких людей часто рассматривается как проблема. Ни один квартирный ремонт не обходится без установки массивных

железных входных дверей. С одной стороны, железные двери призваны обеспечить личную и имущественную безопасность, а с другой — они символически «укрепляют» границу между домом и внешним миром. Так, в рассказе Лены ремонт квартиры начинается с покупки и установки дверей.

Соответственно купила я в свое время, еще с самого-самого начала, когда только купила квартиру, купила туда двери, они до сих пор так там и стоят. Соответственно новую дверь металлическую сразу поставила. Потом поменяли не саму сантехнику, а вот подключение, чтобы не текло, да. Потом вот в прошлом году вот я заказала шкаф-купе, чтобы убрать все вещи (ж., 30 лет, живет с партнером).

Окна как места, потенциально открытые для внешних вторжений, также переоборудуются. Оконные рамы, шторы, системы безопасности и слежения призваны защитить приватное пространство от посягательств. Старые окна, если позволяют средства, заменяют на «стеклопакеты», объясняя это тем, что они лучше защищают от холода и проникновения в квартиру пыли, запахов и шума с улицы.

Помимо физических барьеров, охраняющих жилье от внешнего мира, сами хозяева внимательно контролируют проникновение в дом посетителей извне. Хотя присутствие посетителей часто вызвано необходимостью или желанием обеспечить комфорт, минимизировать усилия по организации быта, их присутствие в доме ощущается как проблематичное и стесняющее. Это касается прежде всего наемных работников, занятых обслуживанием быта: няни, домработницы, строительных рабочих и т. п. Чем более «интимные» и «личные» работы они выполняют, тем с большей тщательностью к их выбору подходят, тем больше опасений связано с их появлением в доме и тем более внимательно их отбирают при приеме на работу. Так, рабочих, строителей, сантехников находят по объявлениям (в газете, на стене дома или по рекомендации). Более тщательно выбирают домработниц, так как они имеют дело с личными вещами, могут наблюдать повседневную жизнь хозяев. Домработниц часто подозревают в воровстве или в том, что они могут способствовать распространению нежелательной информации о жизни хозяев. Еще с большей осторожностью происходит выбор няни, так как помимо боязни краж и утечки информации в этом случае возникают опасения нанесения вреда ребенку или того, что «ребенок становится чужим», а его лексика и манеры могут

быть «испорчены» выходцами из низших социальных классов. Поэтому при найме нянь и домработниц (как через агентство, так и через знакомых) важны рекомендации с прежнего места работы, а также наличие обширного опыта работы. Наниматели озабочены не только их профессиональными, но и моральными качествами. От домашних работников требуется «личная порядочность», которая является главным гарантом доверия. Их работу, особенно на начальном этапе, пытаются жестко контролировать, устанавливая видеокамеры, оставляя включенные диктофоны в случае отсутствия хозяев.

Посторонние в доме нежелательны не только в связи с тем, что они могут нанести тот или иной ущерб. Их присутствие воспринимается как затруднительное для хозяев, так как принуждает к «публичному» типу поведения, поддержание которого в приватной сфере кажется утомительным. Иначе говоря, перед чужаками «играют», ведут себя «напоказ», «держат лицо» в то время как дом предполагает «естественное» поведение, открытое общение родственников и друзей. Лариса говорит о том, почему она приняла решение отдать младшего сына в частный детский сад, вместо того чтобы нанять за те же деньги няню. Няня, так же как и другие обслуживающие быт среднего класса наемные работники, воспринимается ею как «чужой человек», присутствие которого в доме нарушает его приватность и стесняет хозяев.

Просто у меня выхода другого не было, потому что опять в дом приводить какого-то **чужого человека**, чтобы он постоянно находился при ребенке, это было очень тяжело. Это тяжело даже в большом доме. У меня есть девочка, она очень, они очень богатые люди, большой дом, и все равно. Она говорит, что когда все уходят: строители, садовники, эти няни, учительницы, она говорит: «Я понимаю, что у меня, наверное, **жизнь началась наконец-то где-то в шесть часов вечера, когда всех отпускают** по своим делам, что вроде как наконец-то вздохнуть с облегчением, просто приятно, то, что ты дома один или со своей семьей, со своими детьми, **не чужой человек, при котором тебе нужно дежурить, "держат лицо"**» (ж., 39 лет, домохозяйка, вдова, трое детей).

Алина рассказывает о том, что няня «дисциплинирует» ее быт, заставляет придавать домашнему пространству более «публичный», «показательный» вид.

*Единственное, к чему няня очень дисциплинирует, нахождение чужого человека в доме, — это то, что каждый день, вне зависимости ни от чего, я убирала вечером квартиру, ни от чего это не зависело, все равно пылесосила, убирала, все. Потому что **чужой человек в доме** — там уже ничего не раскидать* (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

Домашнее пространство также становится ограниченно доступным для родственников. С одной стороны, информанты, имеющие детей, ориентируются на помощь родственников старшего поколения, а с другой — вмешательство в собственный быт кажется им неприемлемым. Информанты проблематизируют доступ старших родственников в свое личное пространство. Они рассказывают, что родные посягают на их автономию, постоянно пытаются «хозяйничать», нарушают установленный порядок вещей, дают советы и ожидают их исполнения, таким образом вторгаясь в семейную приватность.

*Мы обсуждали вариант, в принципе, с мужем, который предложила наша бабушка, свекровь, его мама, что, она предлагала, что, если я выйду на работу, она, в общем-то, уже пенсионер и работает, что она может оставить свою работу, жить у нас, заниматься детьми, чтобы я работала, но я такая очень склочная в этом плане, **я никому дом не хочу оставлять...*** (ж., 30 лет, домохозяйка, замужем, дочь 7 лет).

Дом становится непроницаемым для свободного посещения друзей, незапланированных посиделок и вечеринок. Его ни в коем случае нельзя назвать «открытым домом». Сюда не заходят случайные знакомые, не могут «неожиданно нагрянуть» друзья. Сюда приходят наиболее близкие люди по выходным или праздникам, предварительно договорившись с хозяевами. Дружеские встречи, сборы, празднование дней рождения членов семьи переносятся в публичные пространства: кафе, рестораны, боулинги. Иногда для таких случаев арендуют речные кораблики, коттеджи, бани. Дело здесь оказывается не только в том, что собственное жилье не всегда может вместить желаемое количество гостей. Подготовка, организация праздника является «слишком хлопотным» занятием для комфортной обстановки дома, в которой происходит семейное общение и отдых. Так, информантка Лариса рассказывает, что последний «детский» день рождения

был организован в боулинговом центре. Помимо желания детей, которые предпочитали именно такую форму праздника, она упоминает удобство организации в качестве причины, по которой праздник был перенесен в публичное пространство.

И сейчас последнее время вот этот боулинг... ну это вообще не ня-прягает, заказал этот боулинг, дорожки, они там тихо себе играют, сидишь... (ж., 39 лет, вдова, трое детей).

Все вышесказанное ни в коем случае не означает, что гости или семейные встречи невозможны дома. Наоборот, встреча гостей и походы в гости остаются распространенным и предпочитаемым способом проведения досуга. Новым становится только то, что доступ в дом оказывается ограниченным и контролируемым. Показательно в этом смысле то, что семейный быт (а также партнерский союз), по сравнению с бытом несемейных информантов, оказывается более закрытым. Он «закрывается» по мере стабилизации отношений пары. В следующем отрывке интервью Галина рассказывает, как изменились ее отношения с родственниками после того, как она начала жить вместе со своей партнершей.

Последний год, наверное, изменилось [отношения с родственниками]. Потому что изменилась немножко моя личная жизнь. У меня, можно сказать, появилась семья своя. И я, в общем, меньше внимания, меньше у меня бывают. Раньше они ужасно любили в гости приезжать. С ночевкой, большим табором. Сестра, двое детей, мама, еще кого-нибудь позовут, тетку. На пол лягут, вечером выпивают. «Нам так у тебя нравится». Сейчас этого не происходит. И они поначалу обижались, но сейчас так вроде немножко... (ж., 35 лет, живет в лесбийской паре).

Таким образом, домашнее пространство современного российского среднего класса отличается от советской организации приватности (так же, как, возможно, и от домашнего пространства других социальных групп). В нем могут осуществляться некоторые формы общественной деятельности, возможны кухонные посиделки, празднование семейных торжеств и совместное проживание нескольких поколений родственников, разделяющих заботу о детях и бытовые работы. Домашнее пространство становится приватным и закрытым.

Приватизация имеет правовые аспекты и реализуется в интерьерных практиках защиты территории (железные двери, пластиковые окна, шторы, жалюзи), а также особом контроле посетителей.

Конструирование приватного современным средним классом напоминает процесс приватизации, описанный Филиппом Арьесом. С его точки зрения, европейская приватность XX в. формируется в результате разделения социального мира при переходе от традиционного общества к современному (см., например: Арьес, 1999). Если в средневековом обществе границы между публичным и приватным миром были размытыми, то постепенно этот мир стал упорядочиваться, очищаться, разграничиваться. Границы между публичным и домашним пространством стали более четко прочерчены как физически, так и в терминах различий правил поведения. Постепенно приватная сфера «теплоты», эмоциональности, привязанностей и взаимной не всегда проговариваемой ответственности фактически сузилась до размера нуклеарной семьи и стала почти полностью идентифицироваться с семейным домашним пространством. В то же время публичная сфера стала восприниматься как безличный внешний мир (Kumar, 1997: 209–210). Форма приватности, характерная для европейского типа современного общества, связана с новыми типами межличностных отношений, которые стали рассматриваться как противоположные инструментальным отношениям и безличностным институтам публичного; таким образом, мир «персонального» становится по существу приватным (Weintraub, 1997).

За железными дверями

Какие формы социального взаимодействия и типы отношений характерны для приватной сферы современного среднего класса? Что скрывается за железными дверями и пластиковыми окнами? Как уже было отмечено выше, далеко не все посетители могут быть впущены в дом и далеко не все виды взаимодействия и поведения возможны в домашнем пространстве. Как правило, дом рассматривается как территория, в которой постоянно могут пребывать только члены домохозяйства. Состав домохозяйства может быть различным. Он может исчерпываться одним человеком или включать в себя проживающих вместе партнеров (супружескую семью), родителей (или одного родителя) с детьми. Как членов своей семьи хозяева дома рассматривают

также домашних животных. Рассказы об организации обычного буднего дня, собранные в процессе исследования, позволяют подробно описать домашний быт информантов и те взаимодействия, которые происходят дома.

Прежде всего, дом описывается как пространство досуга, восстановления сил после работы и то место, где можно укрыться от постоянных взглядов. Именно поэтому присутствие «внешних» людей кажется столь болезненным, а прием гостей — столь хлопотным. Занятия, которые здесь возможны, — забота о домашних, игры и общение с детьми, просмотр телевизионных передач, чтение, обсуждение увиденного или произошедшего в течение дня. Домашний отдых вписан в определенные временные рамки: вечерние часы и выходные дни. Ниже приведены фрагменты интервью с женщинами, в которых они рассказывают о своих домашних занятиях и организации досуга.

Первая цитата представляет фрагмент из интервью с Катей. Она и ее партнер большую часть своего времени проводят на работе. По будням они встают рано и отправляются на работу, где часто приходится задерживаться. По словам Кати, после работы остается время только на самые необходимые домашние обязанности — мытье посуды или полов, которые выполняет Катя перед тем, как лечь спать. Кардинально режим дня меняется в выходные дни, которые отводятся для отдыха, Катя называет этот отдых «пассивным» и относит к нему сон, чтение, а также выполнение некоторых хозяйственных дел.

*Воскресный день я чаще всего посвящаю тому, что я делаю домашние дела, готовлю еду, убираю дома. Собственно, хочется так **пассивно отдохнуть**. Если суббота у нас день активного отдыха, то воскресенье скорее день домашних дел и пассивного отдыха. Я стараюсь пораньше все сделать, полежать, посмотреть телевизор, может быть, что-то почитать или сделать какие-то свои дела и пораньше лечь спать для того, чтобы в понедельник нормально, с новыми силами, выспавшись, встать (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).*

Следующий фрагмент — интервью с Лидой. Как домохозяйка, большую часть дня она проводит, занимаясь воспитанием детей: гуляет и играет в развивающие игры с младшей дочерью, отвозит старшего сына в школу и на дополнительные учебные занятия. С этой точки зрения ее будни и выходные мало различаются. Временем отдыха оказываются вечерние часы, когда уходит няня, приходит из

школы старший сын и с работы муж, когда, наконец, можно остаться в кругу семьи и посвятить свое время просмотру телепередач, прогулкам в парке и обсуждению волнующих вопросов.

И к шести, к половине седьмого мы уже собираемся дома, здесь, все вместе. Я отпускаю няню, и мы уже вечером остаемся одни... Муж приходит около семи часов и ужин, телевизор. Можем, когда хорошая погода, мы еще вечером идем все вместе в парк, погуляем... Сейчас у нас такая пошла тема, что мы перестали смотреть телевизор. У нас времени столько освободилось! Даже вечер стал ужасно длинный. То есть телевизор мы смотрим только «Школу злословия», «Апокриф» по «Культуре». Опять же у нас обсуждения, дебаты, поскольку, у него [сына] переходный возраст, нигилизм: «Все разрушить, ничему не верю, все фигня», — то есть, вот, это все. И ему надо все это высказывать (ж., 36 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Оба этих фрагмента подчеркивают необходимость восстановления сил после интенсивной занятости. Информанты отмечают переключение модуса времени в домашнем пространстве — с интенсивного публичного на иной, неспешный ритм домашних занятий. При этом тяжелые и монотонные домашние работы, которые не соответствуют приятной и расслабленной атмосфере дома, воспринимаются как нелюбимые, от них хотят избавиться, переложить на кого-либо другого (домработницу, партнера/партнершу, супруга/супругу) или передать их бытовой технике. Таковыми являются работы по поддержанию порядка: уборка, стирка, глажка. Эта домашняя работа воспринимается как скучная, невидимая и имеющая более низкий статус по сравнению с профессиональной, оплачиваемой. Катя описывает набор нелюбимых домашних дел следующим образом.

...Самые нелюбимые по-прежнему... остаются глажка белья и стирка. Но стирка, я надеюсь, что скоро мы эту проблему решим, потому что мы, наконец-то, купили машину, единственное, ее осталось подключить. И поэтому я думаю, что стирка, моя нелюбимая обязанность, превратится в более-менее что-то положительное. Ну а гладить я по-прежнему не люблю. Но приходится все равно гладить мне, потому что мой супруг не может этого делать... А я просто не знаю, у меня накапливается куча белья, которую я раз в месяц, настраиваюсь, когда у меня совсем уже, я все домашние дела переделаю, совсем

нечего делать, и вот у меня это бельмо в глазу, лежит эта куча (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Наиболее обеспеченные семьи прибегают к использованию наемного домашнего труда. Инициаторами выступают обычно женщины, так как на таких работников перекладывается именно женская рутинная домашняя работа. Домохозяйки, казалось бы, имея много «свободного» времени, стремятся делегировать рутинную работу домработницам, оставляя за собой функции контроля и менеджмента персонала.

Такие виды работ, как воспитание детей, приготовление пищи, являются, наоборот, любимыми, так как они кажутся творческими, предполагают домашнее общение и эмоциональное вознаграждение. К их делегированию относятся с осторожностью и часто рассматривают как необходимость. Например, Лида относит приготовление еды в разряд любимых занятий по следующим причинам:

Я, на самом деле, люблю готовить. Люблю, чтобы у меня все были накормленные, все вкусно и чтобы сытно было. Потому что мне кажется, если человек накормлен, он не злой должен быть, у него должно быть хорошее настроение (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).

Важной категорией при описании домашнего пространства является «комфорт». Под этим словом подразумевается удобство окружающего жилого пространства, его соответствие определенным жизненным стандартам. Комфорт предполагает наличие в доме бытовой техники, а также различных приспособлений, минимизирующих домашние трудозатраты, и в целом общую эргономичность домашнего пространства. Комфортная квартира, таким образом, позволяет эффективно осуществлять нелюбимую домашнюю работу и при этом тратить на нее минимум усилий.

Функциональное и гендерное зонирование домашнего пространства

Приватизация домашнего не заканчивается его отделением от «внешнего мира» и помещением внутрь него специфических отношений и взаимодействий. Приватизация предполагает разделение домашнего пространства на зоны и закрепление за ними определенных видов

деятельности и типов взаимодействия. Внутри дома определяются специальные помещения, предназначенные для приготовления и приема пищи, отдыха, занятий, сна. Разные помещения закрепляются за разными членами семьи. Такое разделение пространства воспринимается как идеальная организация дома, к которому стремятся и которое реализуют по мере появления средств, увеличивая число комнат в квартире и производя необходимые ремонтные работы. Общими чертами идеального жилья, которое репрезентируется медиа-образами, являются следующие: большая (сравнимая с площадью комнат) кухня, совмещенная со столовой; наличие отдельной детской комнаты и спальни супругов; наличие помещения для отдыха с диваном и телевизором.¹

Детская

Общим разделением семейного домашнего пространства, которое можно выделить на основе интервью, является разделение на детскую комнату и остальное пространство дома. Ее наличие зависит от возраста ребенка. Дети в возрасте до трех лет, как правило, спят в одной комнате с родителями. Затем их начинают «постепенно отселять» в отдельную комнату. Оборудование детской связано с представлениями об особом устройстве детского мира, о потребностях автономии и свободе личности ребенка, для которых необходимо отдельное помещение. Кроме того, присутствие детей среди взрослых рассматривается как отвлекающее, утомительное, сопряженное с беспорядком и шумом.

Интерьер детской обладает своей спецификой. Стены покрывают обоями с рисунком, которые, с точки зрения родителей, наиболее «подходят» сентиментально окрашенным представлениям о детском пространстве. Таковыми могут быть обои с соответствующими тематическими узорами: «облака в форме животных», «бордюр с кораблями», «кошечки, собачки». Интерьер отражает представления родителей о воспитании и правильном развитии детей. Ожидается, что в отдельной комнате дети смогут заняться своими привычными занятиями: играми, спортивными упражнениями, учебой. В следующем отрывке интервью Маша описывает обстановку в комнате восьмилетнего сына:

¹ Об использовании жильцами внутриквартирного пространства см.: Левинсон, 2004.

У него там есть его кровать. Такая, под потолок. У него есть там его шкаф, его стол, за которым он уроки делает и читает. Там спорт-комплекс такой небольшой: турник, лестница, канаты и так далее. У него есть такие полки с игрушками и книгами (ж., 34 года, замужем, двое детей).

В том случае, если детей двое, предполагается, что они могут проживать в одной комнате. Однако если дети разнополые или имеют большую разницу в возрасте, они воспринимаются как имеющие разные интересы и разные потребности, для реализации которых необходимы отдельные комнаты. Маша объясняет необходимость обустройства второй детской комнаты для подрастающего младшего сына различием в распорядке дня и интересах детей с разницей в возрасте в 5 лет:

Будут просто две детские, поскольку разница у них большая в возрасте, вместе их трудно... Старший до часу, там, лежит, музыку слушает, читает, а этот уже спит в одиннадцать (ж., 34 года, замужем, двое детей).

Злата подчеркивает важность отдельного пространства для ребенка, где он научается «спать один» и, таким образом, приобретает автономию от своих родителей.

У него всегда была своя комната. Потому что мы как минимум всегда «двушку» снимали, чтобы у ребенка был... мы спали обычно в гостиной, предположим... В другой комнате. У ребенка всегда была своя комната. Он с маленького возраста спал один. Дверь оставляли открытой, чтобы слышно было. И, ну и вообще, он приучен был засыпать один... Он хорошо воспринимал, нормально, не боялся темноты (ж., 31 год, домохозяйка, замужем, сын 9 лет).

Спальня

Следующей зоной жилого пространства является спальня. Отдельную спальню могут себе позволить далеко не все информанты, поскольку большинство из них принадлежит к средним или низшим слоям этого имущественно разнородного класса и находится в на-

чальных фазах своей карьеры. В отличие от детской наличие спальни рассматривается скорее как «мечта» или роскошь, чем реальная необходимость. Она представляется как наиболее интимное и закрытое пространство. Здесь происходит сексуальное общение партнеров, сон, отдых. В повседневной жизни гости, дети, посторонние здесь наименее желательны. Однако «закрытость» этого помещения от внешних взглядов не означает, что его обустройству уделяется мало внимания. Наоборот, спальня, будучи наиболее приватным и личным пространством, старательно декорируется и обставляется. В истории освоения новой квартиры, рассказанной Натальей, ремонт и обустройство спальни комнаты занимает центральное место. Спальня становится репрезентацией семейных ценностей и семейной общности. Супруги ей отдают все самое лучшее и самое любимое, она вызывает у них восторг.

Знаешь, спальня — это была мечта. У нас не было спальни никогда, поэтому мы — спальня, вообще — вау! Но мы были помешаны на дзене, поэтому нам нравился стиль дзен. Хотя, по дзену, надо было все делать бежевое, бледное, холодное, а мы взяли оранжевый. Персиковый цвет. Нам просто понравилось. Мы решили, что стены будут оранжевые. А как там дальше, что запланировать — мы уже потом думали. Мы достаточно эмоционально к этому подошли. Потом, когда мы уже поклеили обои, мы говорим — да, блин, оранжевое — это сильно. Что ж теперь делать? Потом купили паркет, соответственно, положили. Думаем: да! Вот теперь придется мебель как-то так выбирать, чтоб было как-то вот. Мебель мы нормально купили, потому что она была темно-шоколадного цвета и на фоне оранжевого вполне сносно смотрелась. Спальный гарнитур назывался «Дзен», поэтому мы, конечно же, его купили. При этом мы год, наверное, ездили по разным мебельным местам, я имею в виду магазинам, и никак не могли найти то, что нам нравится. Не могли, нам ничего не нравилось. Так дорого и все так некрасиво при этом. Вдруг мы увидели нормальный гарнитур под названием «Дзен»: низкая кровать, такие столики, в японском таком стиле. Ой, но за это не жалко заплатить деньги! Купили этот гарнитур и были счастливы. Это было очень затратно, конечно. Первый год, и сейчас второй год идет уже. Все, что мы купили — это кухня и спальный гарнитур. Больше мы ничего не покупали даже (ж., 30 лет, замужем, дочь 4 года).

Гостиная

Общение членов семьи, отдых, прием гостей происходит в помещении, которое условно назовем «гостиной». Под это помещение отводится самая большая по площади комната. Иногда она представляет собой часть кухни, разделенной на две зоны: кухонную и гостиную. Гостиная может совмещать множество функций. В случае дефицита пространства она может выполнять роль спальни супругов. Здесь может находиться рабочий стол, компьютер, стеллажи с книгами, кассетами, дисками. Иногда роль гостиной выполняет кухня. Основными формами оборудования данного помещения являются диван, телевизор, журнальный и/или обеденный стол. Именно эти предметы опосредуют семейное общение.

У нас комната и кухня. Кухня у нас служит... как бы, она большая, она 15 метров, поэтому она поделена так, как бы, зонально на гостиную часть и на, там, обеденную, да, есть диван, вот, телевизор там, то есть журнальный столик есть (ж., 24 года, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

Данное пространство рассматривается как общее для всех членов семьи, где они могут находиться в дневное и вечернее время. Здесь же принимают гостей. Однако отдельные члены семьи могут иметь в общем пространстве собственное место, которое часто ассоциируется с теми или иными предметами: рабочим столом, компьютером, швейной машинкой, ящиком для игрушек и т. п.

Пространства «мужские» и «женские»

Не все зоны домашнего пространства являются гендерно нейтральными. Разделение пространства отражает специфику гендерного уклада семьи. Общий дизайн квартиры отражает нормативные представления супругов о мужских и женских ролях, занятиях и может служить наглядной репрезентацией семейной гендерной идеологии. Поэтому некоторые пространства могут изначально планироваться и осмысливаться как предназначенные для одного из супругов. В дальнейшем в повседневной жизни эти гендерно маркированные помещения или зоны квартиры могут использоваться всеми членами семьи и с другими целями: например, кабинет мужа служит также комнатой для за-

нятий старшего сына, на «женской» кухне работает за компьютером муж, в общей спальне установлен рабочий стол жены. С точки зрения замысла или дизайна жилья можно выделить мужские и женские пространства.

Мужское пространство: кабинет

Выделение кабинета связано с разделением ролей в семье неотрадиционного типа. В таких семьях базовыми ролями является роль мужа-добытчика и жены-домохозяйки. В нашем массиве интервью к этой категории относятся наиболее состоятельные семьи. Они могут позволить себе жилье большей площади и оригинальные дизайнерские решения. В таких семьях муж является ответственным за материальное обеспечение семьи. Жена большую часть времени проводит дома, посвящая его ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу за собой и организации работы наемного персонала. Муж не принимает участия в работах по дому, а его основная роль сводится к тому, чтобы «оплатить, нанять кого-нибудь». Кроме того, супруги разделяют согласие о большей важности работы мужа, приносящей доход, по сравнению с деятельностью жены по организации и ведению домашнего хозяйства. Примером семьи такого типа может служить союз Тани и Миши. Таня — домохозяйка, она выполняет основную часть домашних работ. Роль супруга в семье она описывает следующим образом:

Муж ничего не делает, даже гвоздика не забьет. Как-то у нас так сложилось, что он стал основным добытчиком в семье. Он, как бы, и до этого не очень. Но у него руки, видимо, растут не из того места [смеется]. У него особо не получается, ему проще оплатить, нанять кого-нибудь, чтобы он что-то сделал, нежели самому это сделать (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

Разделение ролей воспроизводится при осуществлении покупки и ремонта квартиры, в которой в данный момент живет семья. Миша выбрал место расположения квартиры и выразил общие пожелания относительно ее планировки и дизайна. Он же договаривался с рабочими о ремонте и оплачивал их работу. Таня занималась детальной разработкой дизайна, рассматривала интерьерные журналы, консультировалась со специалистами.

Пространственно неотредационное распределение ролей выражается в том, что в доме выделяется отдельное помещение, которое считается личным пространством мужа. Таким помещением становится кабинет. Здесь находятся книги, компьютер, диван, и здесь муж имеет возможность проводить свое время дома, посвящая его отдыху и работе. Таня замечает, что даже когда Миша находится дома, она «мало его видит».

А когда вот мы уже здесь обжились, то он [муж] просто приходит домой, как в норку зарыться, немножко полежать, отдохнуть, и его лучше не трогать. То есть он даже когда приходит, я его мало вижу, потому что он либо в телевизоре, либо в компьютере (ж., 38 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).

В тех случаях, когда в квартире семьи неотредационного типа нет кабинета, мужу выделяется «свой уголок». Наличие такого пространства легитимизируется инструментальной ролью главы семьи.

Женское пространство: кухня, или «отсутствие своей комнаты»

Кухня выделяется и осмысливается как женское пространство в тех семьях, где большая часть домашних работ выполняется женщинами и где такое распределение обязанностей рассматривается как нормативное. Наиболее любимым из этих занятий информантки называют приготовление пищи. При разработке дизайна кухни учитываются прежде всего пожелания супруги, так как предполагается, что именно она будет проводить в ней времени больше, чем другие члены семьи. Эти аргументы приводит в интервью Катя, объясняя приоритет своих дизайнерских идей при планировании кухни.

Я настаиваю на том, чтобы там [на кухне] был ковролин, потому что я очень люблю сидеть на полу на кухне, чистить картошку, например, или овощи. Я люблю сесть на пол, разложиться с ведрами, с ножами. Или ходить босиком, когда я готовлю, потому что я жутко не люблю тапочки... Поэтому я настаиваю там на ковролине. А он [партнер] ни в коем случае там не хочет ковролин. Либо плитку, либо ламинат. В итоге мы очень долго с ним из-за этого ругались, такие ссоры были, пока его мама не сказала: «Это вообще Катина терри-

тория — кухня, и поэтому что она там захочет, пускай она там и стелет». И он, в общем-то, согласился... «Даю добро: стели ковролин» (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Однако в большинстве случаев женское пространство как собственное, автономное, в котором можно скрыться, «как в норке», специальным образом не выделяется при разработке дизайна квартиры. Даже в тех случаях, когда некоторые помещения рассматриваются как преимущественно женские, эти помещения также, с точки зрения дизайнерского замысла, являются общими, например кухня. Информантки никогда не говорят о необходимости выделения отдельного женского пространства. Весь дом во многих случаях рассматривается ими как пространство женской заботы и ответственности, в котором могут выделяться автономные мужские помещения, такие как кабинет.

Конфликты вокруг использования пространства

Если медиарепрезентации жилья, особенно для экономически привилегированных классов, включают зонирование, отводя отдельные помещения для разных видов деятельности, то в реальной жизни представители среднего класса ограничены материально, и потому могут позволить себе жилье ограниченной площади. Особенно это касается молодых семей. Жилье небольшой площади, как правило, планируется как общее помещение, в котором могут совместно пребывать супруги. Часто вокруг ремонта, оформления и использования этого помещения возникают конфликты, порожденные различиями гендерных представлений супругов (партнеров). Чаще конфликты возникают в двухкарьерных семьях, где большая часть домашней нагрузки ложится на женщину, и она требует большего участия мужа в домашнем хозяйстве.

Легитимность двойной нагрузки ставится женщинами под сомнение. Однако несмотря на то что информантки пытаются пересмотреть сложившийся уклад в сторону эгалитарного, существуют институциональные барьеры, обусловленные интенсификацией занятости в сфере частного бизнеса и необходимостью организовывать уход за детьми, большая часть которого выполняется женщинами. Поэтому конфликты постоянно воспроизводятся. Решением их может стать использование наемного труда нянь и домработниц. Претензии вы-

двигаются в связи с тем, что мужья стремятся играть традиционную роль, уже не являясь единственными кормильцами. «Традиционные» мужья в двухкарьерных семьях подвергаются упрекам за уклонение от домашних работ и посвящение домашнего времени отдыху, своим любимым занятиям. Примером такого уклада является семья Кати и Володи. Молодые люди работают, они живут вместе около года, детей у них нет. Обычно Володя приходит домой раньше Кати, которая часто вынуждена задерживаться на работе допоздна.

Он заканчивает очень рано, он заканчивает в пять часов. В шесть часов он уже дома. И естественно, он занимается своим любимым делом: лежит на кровати и смотрит телевизор с газеткой (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Катя считает, что всю работу по дому выполняет одна. Ей приходится каждый раз просить Володю помочь ей. Конфликт приобретает эксплицитный характер.

Для того чтобы он что-то сделал, нам приходится очень... вернее, мне приходится очень долго просить, ругаться. И до тех пор, пока мы не поругаемся, он соответственно ничего делать не начинает (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Несмотря на ориентацию на гендерное равенство, Катя фактически считает себя хозяйкой дома, отказывая Володе в равном участии. Рассказывая историю ремонта их общей квартиры, Катя представляет партнера некомпетентным, неспособным справиться даже с теми работами, которые Катя считает мужскими (например, умение договориться с рабочими, потребовать от них качественного исполнения работ).

Просто сначала, когда мы его [ремонтного рабочего] вызвали, первый день, он... Когда он нам испортил дверь, приехали друзья наши, и там парень, он тоже занимается строительством. Он увидел, что дверь испорчена, он стал на него кричать. Когда мой ничего сказать не может в такой резкой форме. А он стал кричать на него. Тот, естественно, как-то занервничал, но при этом очень агрессивно среагировал и сказал, что он сделает какие-то заплаточки, которых из-под замка не будет видно, что все будет аккуратно (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Катя считает друга некомпетентным и в вопросах оформления квартиры, так как у него, по мнению Кати, «нет пространственного мышления». В связи с этим постоянно возникают разногласия, а иногда и споры. При этом Катя выступает как инициатор переговоров, способствует научению партнера искусству организовывать домашнее пространство.

И вот выбрали мы те обои, которые он захотел в коридор, и они, естественно, не подходили. Я сразу знала, что они не подойдут, но я говорю: ладно, давай их купим. Потому что там была потом возможность их сдать обратно и купить другие. И когда мы приехали домой, я приложила их к стене и сказала: «Вот посмотри, ты видишь, что если мы их поклеим, у нас не будет видно двери. У нас совершенно они потеряются и будет вообще, там, совершенно не тот вид, на который мы рассчитывали». И к тому же у нас там очень узкий коридор, и туда ни в коем случае нельзя было обои такого типа, который он выбрал. Вязания эффект. Там можно было только какие-то однотонные светлые обои. И он посмотрел, сказал: «Да, действительно, поехали, выберем те обои, которые ты хотела». И мы в итоге поехали, сдали эти обои, доплатили и купили те обои, которые выбрала я. В принципе, по остальному, мы, конечно, с ним... Шторки тоже покупала только я, потому что он сразу признал свою несостоятельность в этом смысле (ж., 27 лет, живет с партнером, детей нет).

Использование и оформление общего пространства в двухкарьерных семьях отнюдь не всегда является конфликтным. В нашем массиве интервью именно так живут семьи, принимающие гендерную идеологию равенства и на практике разделяющие домашние обязанности поровну. Это, как правило, двухкарьерные семьи, где признается одинаковая или почти одинаковая значимость профессиональной занятости обоих супругов и их вклада в семейный бюджет. Разделение домашней работы осуществляется на основе личных предпочтений и договоренностей, а также в зависимости от наличия свободного времени для ее выполнения. В нашем массиве семьи партнерского типа, как правило, не имеют детей, что является свидетельством распространения стратегии отставленного родительства в молодых когортах среднего класса. Вследствие этого распределение обязанностей ограничивается только работами по поддержанию дома, уборке и приготовлению еды, которые легко могут быть поделены супругами.

Разграничение и оформление пространства строится здесь на основе договора и воспринимается как учет интересов партнера или того, *«что кому больше нравится»*.

Таким образом, гендерное разделение пространства дома отражает специфику разделения ролей и власти в семье и воспроизводится в практиках ремонта и использования пространства во время отдыха и домашних работ. Большое значение в гендерной организации домашнего пространства имеет тип семейного уклада — наличие детей, разделение ролей и семейная гендерная идеология. При этом в тенденции прослеживается стремление обеспечить каждого члена домохозяйства своей относительно автономной территорией и выделить общее пространство взаимодействия.

Рационализация отношений: дом как «жизненный проект»

Таким образом, дом оказывается сознательным, хорошо продуманным проектом, который предполагает как идеи и мечты об организации жилья, так и набор стратегий по их реализации. Процесс воплощения в жизнь представлений об идеальном жилье включает в себя множество последовательных действий, направленных усилий и связан со значительными денежными инвестициями. В жилье «вписываются» семейные уклады, гендерные отношения, идентичности и стили жизни. Иначе говоря, проект дома становится проектом жизни и проектом личности, поэтому он включает в себя не только цвет обоев, стиль мебели, планировку комнат, но и те формы жизни, которые в нем протекают, например разделение ролей между супругами, воспитание детей, формы проведения досуга и т. п. Все это учитывается в организации домашнего пространства. Так, рождение ребенка требует выделения отдельной детской комнаты или покупки новой квартиры, имеющей еще одну комнату, а также ее соответствующего оформления. Или, наоборот, количество комнат в приобретаемом жилье выбирается с учетом того, что в будущем появятся дети.

Поскольку дом мыслится как пространство совместной жизни, его проект предполагает не только материальную реализацию, но и планирование отношений между членами домохозяйства. Несмотря на то что отделенный от публичного пространства домашний мир наполнен интимным общением близких людей, предполагает отдых

и возможность предаться любимым занятиям без соглядатаев, он становится в большой степени рационализированным. Непредсказуемость поведения партнеров, эмоциональные бури угрожают стабильности проекта. Рационализация приватного начинается с выбора партнера, который должен отвечать определенному набору требований и может быть вовлечен в проект строительства домашнего мира. Необходимые качества предполагаемого партнера довольно четко артикулируются информантами. При этом важные качества выглядят не просто как набор статусных характеристик (доход, образование, социальное происхождение и т. п.), но как личностная готовность к вступлению в стабильные интимные отношения и способность их поддерживать. В следующем отрывке из интервью Раиса обсуждает качества, которыми должен обладать предполагаемый партнер. Раиса — вдова, и в своем интервью она говорит о том, что хотела бы снова вступить в постоянные отношения с мужчиной. Предыдущий опыт замужества сказывается на сформировавшихся у нее ожиданиях в отношении желаемого партнера.

*Я очень аккуратна. Даже просто начать отношения с мужчиной сейчас очень проблематично. Присматриваюсь к мужчине и очень часто отвергаю мужчин, практически всегда. С друзьями у меня хорошо, с друзьями, знакомыми, встретиться поболтать, но ничего большего. Потому что после смерти мужа, первого мужчины, с которым у меня что-то серьезное, хоть как-то открыть свою душу — трудно... Нет уже того, чтоб так безрассудно: все, влюбилась! Нет, уже нет, **все осознанно...** Это не важно [доход партнера], не играет роли. Дело в том, что еще играет роль не столько размер его дохода, сколько то, что от дохода зависит **стиль жизни**. Общение, опять-таки же уровень образованности, **чтобы было о чем поговорить, ну и его отношение ко мне**. Он же будет постоянно ревновать и злиться, если будет что-то не так в отношении моей работы. Постоянные поездки, я постоянно задерживаюсь на работе, что-то еще. Мужчина несостоятельный не выдержит такой жизни. Я понимаю, у людей должен быть **одинаковый круг общения**. Даже просто появиться с человеком в каком-то общественном месте, даже если как-то по-разному с ним будете одеты — не очень приятно, и ему, и мне (ж., 29 лет, вдова, сын 2 года).*

Раиса отмечает значимость дохода и образования предполагаемого партнера в той связи, что эти характеристики позволяют следо-

вать определенному стилю жизни. Для нее особую ценность имеют взаимное понимание и отсутствие конфликтов, связанных с ее профессиональной занятостью, возможность переговоров. Раиса неоднократно отмечает осознанный характер выбора, стремится обезопасить себя от безрассудных и разрушительных любовных страстей.

Рационализация приватной жизни включает не только стремление построить «правильные» отношения с детьми, партнерами и супругами, но и планирование количества детей и календаря рождений, выбор форм их воспитания и обучения. Фактически нарративы о возникновении семейных отношений и последующей семейной жизни включают мало рассказов о чувствах, любви, привязанностях. Любые события в жизни выглядят как результат обдуманного решения. Так, Александра, прежде чем вступить в брак, обговаривает и выясняет со своим женихом все аспекты будущей семейной жизни от типа жилья до количества детей, т. е. пара заключает неформальный договор.

*Я не могу сказать, что прямо это было неожиданно [брак], мы **разговаривали**, когда собирались пожениться, у нас было довольно много всяких, то что называется житейских, вопросов, то есть **как мы будем жить, где мы будем жить, хотим ли мы детей**. Мы оба сошлись в том, что было бы глупо такие серьезные отношения завязывать, если пара с диаметрально противоположными точками зрения. И мы сошлись на том, что жить мы будем отдельно [от родителей] по возможности... И также мы сошлись на том, что мы оба хотим детей, минимум двоих, чтобы удалить напряжение, когда дети будут взрослые, чтобы им была поддержка. То есть родители — это родители, и отношения другие совсем. Друзей может, например, быть мало, а сестра, братья, они всегда остаются (ж., 27 лет, домохозяйка, замужем, двое детей).*

Семейная жизнь в рассказах респондентов предполагает постоянную эмоциональную работу обоих супругов по согласованию намерений и действий, преодолению разногласий и минимизации их последствий. Ориентация на согласие, достигнутое в процессе переговоров, делает возможным создание домашнего мира, наполненного досуговыми практиками. В процессе семейной жизни супруги постепенно «научаются» решать конфликтные ситуации, налаживать «мирную» коммуникацию. Респондентка Лида следующим образом описывает процесс развития семейных отношений:

*Сначала процесс становления молодой семьи — это какое-то приращивание, какие-то конфликты были, такие даже серьезные, то есть **поначалу даже... ссорились мы очень. Это мы сейчас как-то понимаем, что мы друг от друга хотим**. А сначала это по молодости было очень тяжело (ж., 33 года, домохозяйка, замужем, двое детей).*

Заключение

Домашнее пространство нового среднего класса создается в новых социально-политических условиях, отличных от советских. Эти условия связаны с меньшим вмешательством государственной политики в такие приватные сферы, как жилье и семейная жизнь, и растущим влиянием рыночных механизмов. Граждане получают больше возможностей выбора, а их стратегии в этой сфере определены рыночными условиями, разнообразием потребительского выбора, социальной идентичностью и медиарепрезентациями. Приватное домашнее пространство конструируется ими как отгороженное, закрытое от внешнего публичного мира и противопоставляется ему. Его обитателями являются члены нуклеарной семьи. Оно связано с отдыхом, досуговыми практиками и интимным общением. С ним ассоциируется особый тип «домашнего», естественного поведения, отличающийся от публичного. Домашняя работа рассматривается как необходимая, но утомительная. В ее выполнении принимают участие наемные работники (няни, домработницы, рабочие, ремонтные рабочие). Зона разделения домашнего труда по-прежнему может вызывать конфликты.

Пространственная организация современного дома связана с наличием множества внутренних границ, отражающих ролевые разделения в семье, а также статусы ее членов и ее финансовое положение. Внутри дома выделяется спальня, кабинет, детская, гостиная, кухня. Эти помещения ассоциируются с разными функциями. Некоторые из этих помещений рассматриваются как личные пространства отдельных членов семьи. Современное домашнее пространство представляет собой поле напряженности и требует эмоциональной работы обитателей. С одной стороны, дом предполагает отдых, совместный досуг, общение, а с другой — он становится местом конфликтов по поводу разделения домашнего труда и домашнего пространства. Дом рассматривается как личное пространство членов семьи, однако быт невозможен без присутствия «посторонних людей» — наемных работников.

Дом является семейным проектом и в этом смысле представляет способ реализации личных вкусов, пристрастий и идентичностей его обитателей, но этот проект является примером стандартизированного потребления, характерного для формирующегося стиля жизни определенного слоя современного российского среднего класса.

Литература

- Арбес Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Бойм С. (2002). *Общие места: Мифология повседневной жизни*. М.: НЛЮ.
- Высоковский А. (2001). Уют-не-герой, в кн.: *Жилище в России: век XX. Архитектурная и социальная история. Монографический сборник*. М.: Три квадрата, с. 162—184.
- Герасимова Е.Ю. (2000). *Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917—1991)*. Диссертация ... кандидата социологических наук. СПб.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2003). Советский этатерратический гендерный порядок, в кн.: Н.Л. Пушкарёва, ред., *Социальная история. Ежегодник. Женская гендерная история*. М.: РОССПЭН, с. 436—464.
- Корнев Н.Р. (2005). Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга, *Социологические исследования*, № 6, с. 77—85.
- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. (2003). *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в год нэпа и хрущёвского десятилетия*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Левинсон А. (2004). К социологии вещей, в кн.: А. Левинсон, *Опыт социологии. Статьи*. М.: НЛЮ, с. 46—55.
- РСФСР в цифрах... (1990). *РСФСР в цифрах в 1989 году. Краткий статистический сборник*. М.: Финансы и статистика.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4—15.
- Утехин И. (2001). *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.
- Хархордин О. (2002). *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности*. СПб.: М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад.
- Хасбулатова О. (2005). *Российская гендерная политика в XX столетии: Мифы и реалии*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Чернова Ж. (2007). Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Российский гендер-*

- ный порядок: *Социологический подход, трансформации сексуальности*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Чуйкина С. (1996). Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986), в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. науч. статей*. СПб.: Центр независимых социальных исследований, с. 61—81 (Труды; Вып. 4).
- Чуйкина С.А. (2000). *Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920—1930-х гг.* Диссертация ... кандидата социологических наук. СПб.
- Элиас Н. (2002). *Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М.: Языки славянской культуры.
- Kukhterin S. (2000). Fathers and patriarchs in communist and post-communist Russia, in: S. Ashwin, ed., *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, London; New York: Routledge, p. 71—89.
- Kumar K. (1997). Home: The Promise and Predicament of Private Life at the End of the Twentieth Century, in: Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 204—236.
- Reid S. (2006). The meaning of home: «The only bit of the world you can have to yourself», in: Lewis H. Siegelbaum, ed., *Borders of Socialism. Private sphere of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan, p. 145—170.
- Saarikangas Kirsi (1993). *Model Houses for Model Families. Gender, Ideology, and the Modern Dwelling. The Type Houses of the 1940s in Finland*. Helsinki: Finnish Historical Society.
- Shlapentokh V. (1989). *Public and private life of the soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Weintraub J. (1997). The theory and Politics of the Public/Private, in: Jeff Weintraub, Krishan Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 1—42.